

По пути стирания различий

Ален де Бенуа

История последних двух тысячелетий свидетельствует о постепенном распространении феномена стирания различий (*l'indistinction*), начало которому положил монотеизм. Действительно, если утверждение о Едином Боге-творце является центральным пунктом в религии, то это подразумевает и единство человеческой семьи, не только на биологическом уровне, но и с точки зрения духовности. Провозгласить, что бог един, а все прочие боги должны быть оставлены и забыты, означает в то же время утверждать, что все люди вышли из единого корня, единой семьи. Это означает и утверждение нового царства Истины, при котором инаковость становится синонимом лжи или опасного заблуждения. Как отмечает **Мишель Маффесоли**: *«Именно эта особенность была первой по-настоящему новой чертой иудео-христианской культуры тогда, как и современной секуляризированной культуры сейчас»* [1]. Иное является угрозой и потому должно быть уничтожено, изжито. На протяжении всей истории существования Запада, одержимость идеей тождества никогда не переставала быть главным руководящим принципом. Исторически эта идея была двигателем нетерпимости, исключения и разделения, а затем и фрагментации, породила все виды инквизиции и служила оправданием для усилий по уничтожению любых видов инакомыслия.

В настоящее время христианство продолжает нивелировать все культурные и этнические различия: оно не отрицает их напрямую, но считает несущественными. *«Нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос»* (Гал. 3:28) *«От одной крови Он произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитанию»* (Деян. 17:26). В то время как разделение власти на духовную и светскую внесло роковой раскол в понятие суверенитета, новая религия начала разделять град Божий и град Земной, человеческий, ставить всеобщего человека против гражданина, универсальную веру против местных различий и верований. Глобальное человечество возникает в ущерб патриотизму. *«Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа...»* (Мф. 28:19). Это была первая директива, упразднявшая все границы и все различия.

Идеология Прогресса

Идея, что то, что делает людей и целые народы отличными друг от друга, должно быть сведено к случайности, к понятию контингента, и, в конечном счете, оцениваться как незначительное или даже вредное, не переставала завоевывать свое влияние. В современности, перенесенная в сферу секулярного, эта идея утверждает, что человек непосредственно (но не как посредник) относится ко всему человечеству. Из этого следует, что в первую очередь мы являемся людьми, а уже потом представителями конкретного народа и его культуры. В действительности же верно как раз обратное: мы – люди, поскольку принадлежим к конкретному народу и конкретной культуре. И именно благодаря нашим специфическим чертам мы можем получить доступ к универсальному.

Идеология прогресса утверждает, что все народы призваны достигнуть общего уровня развития, пройдя через одни и те же для всех этапы. Так **Аврелий Августин** провозгласил, что все люди обязаны развиваться в единой унитарной манере («человеческий разум способствует единству»). В том же ключе проходила Эпоха Просвещения, когда было заявлено о тщете любого наследия, связанного с древними обычаями, путаницей суеверий и привычек. Прошлое изображалось как преграда, которую нужно преодолеть, чтобы стать «свободным». Единственно верным выбором для человека являлся тот, который делался, исходя из личного («поскольку это мой, личный выбор!»), выбор, сделанный из над-личного, объявлялся ложным. Отсюда вытекает идеал свободы как «автономии», по образу независимости, оспаривающей любой статус, иерархию и рассматривающей деятельность любого общественного института как попытку унижительного ограничения возможностей личности. Это великий миф современности о сотворении себя самого посредством собственного «Я» (фактически *ex nihilo*, с нуля), что подразумевает игнорирование человеком влияния «природы» и всех наследственных черт. Такой вид свободы задуман как и неотчуждаемое ничем абсолютное начало, что дает человеку прерогативу первенства, которая раньше была связана с богом.

Стремление к неразличимости основывается на сведении всего к равенству в одинаковости; нет другого способа получить равноправие кроме идентификации себя со всеми; один может иметь значимость только тогда, когда согласится с общими правилами. Одновременно с этим, любая манифестация своих особенностей, даже самых явных, увековечивает неравенство и угнетение. Это стремление к общей унификации (**Огюст Конт** справедливо говорил об *reductio ad unum*), которое кроме прочего подпитывается миметическим желанием – важнейшая черта современного общества [2]. Человек должен во всем походить на других. Что хорошо для одного (то есть для нас), то должно быть полезно и для всех (остального человечества), не имеет значения, используется ли это в политической, экономической или социальной сфере. **Токвиль** очень точно определил эту современную тягу к сходству; не как эмпирическое тождество, не сходство, которое лежит во взаимодействии, но сходство, основанное на идее всеобщего достоинства, которым наделены все от рождения, лежащего в основе человеческой природы, то есть, предшествовавшего началу любой политической и общественной жизни [3].

Тема равных условий не может быть раскрыта, если учитывать только экономические изменения, которые положили в основу человеческих связей меркантильный интерес обмена и торговли. «Одинаковые люди», о которых писал **Токвиль**, неспособны поддерживать другие отношения между собой кроме как посредством работы или торговли. Деньги утверждаются в качестве всеобщего эквивалента, тогда как полезность становится естественным результатом равенства. Производительная сила не способствует гомогенизации оплаты труда, вместо этого она приводит к гомогенизации людей путем установления господства «*homo economicus*» – вида, сосредоточенного исключительно на непосредственном удовлетворении своих материальных потребностей. Как отметил **Кристиан Лаваль**: «Равенство условий эквивалентно тем же индивидуумам в обществе, озабоченном экономическими и меркантильными интересами, то есть общества, в котором единственно законными различиями являются те, которые связаны с мерой прибыльности» [4].

Универсализм и индивидуализм идут рука об руку. В эпоху постмодерна стирание

различий стало главной особенностью господствующей идеологии и получило широкое распространение в виде самовлюбленного индивидуализма и метафизики субъективности. Все становится зыбким, текучим, непостоянным и преходящим. Потеря ориентиров приводит к социальной аномии, широкой неопределенности понятий («все сгодиться»), происходит стремление привести личные интересы и желания в соответствие с общим законом «равенства» [5]. Такое общество, составленное из отдельных индивидов, не имеющих места, прибывших отовсюду (соответственно – ниоткуда), превращается в полу-хаотическую структуру, «карван-сарай», где отсутствует понятие коллективной ответственности, общественного блага. Чем больше люди разъединены друг с другом, тем больше ими движет конформизм. Индивидуумы превращаются в «рабов без господ», взаимозаменяемых и уязвимых, оторванных от корней, от своей родной культуры, становятся целевой добычей для симбиоза рынка и государственной машины, которая на словах декларирует общую толерантность, а на деле становится все менее терпимой и репрессивной, особенно к частным случаям.

Лишение принадлежности, лишение идентичности

Любая принадлежность или коллективная специфика описывается данной идеологией как ущемление личной свободы, вводящая в заблуждение фикция или иллюзорная конструкция. Любое усилие к сохранению принадлежности подпадает под ярлык «фанатизма» или «фундаментализма». *«Для того, что бы дать студентам реальную свободу выбора, нужно освободить их от диктата условностей и определений, будь то политическая, экономическая, этническая или семейная сфера»* – заявил **Венсан Пейон**, новый министр образования [6]. Одновременно с этим, всеобъемлющая концепция «дискриминации» входит в судебную систему и язык уголовного делопроизводства. Первоначально этот термин обозначал несправедливое обращение с отдельным человеком (либо с категорией лиц), теперь же им клеймят все способы сохранения своей идентичности. **Токвиль**, опять же, отмечает, что *«в эпоху всеобщего равенства, ничто так не вызывает у людей возмущения, как идея быть подвергнутым формализации»*. Сами формы воспринимаются как ограничения и помехи. Современное «актуальное» искусство уже избавилось от эстетических категорий. Финалом «радикальной деконструкции» будет ликвидация элементарных половых различий, что открыто декларируется «гендерной» идеологией и так называемыми «гендерными исследованиями». Эра «не-формы» уже провозглашена.

Неразличимость несет также и отрицание любых границ и всех ограничений в перемещении. Главная суть в том, как освободиться от меры. Индивидуализм идет рука об руку с неумеренностью потребления (*hybris*), также как логика само-накопления капитала без ограничений становится, в конечном счете, собственным *raison d'être* (смыслом существования). Во все времена космополитизм подразумевал ликвидацию границ. Сегодня он принимает формы номадического мышления и поведения. Левая идеология «без границ» в политике соединяется с правой экономической идеологией «свободной торговли», вместе они одинаково трактуют глобализм как повсеместную гибридизацию. Эта идея «ликвидации границ», которая поддерживается финансистами, контрабандистами и всяким сбродом. Лозунги «нет – границам!» и «без виз и документов!», строго говоря, приводят к несоблюдению порядка, к анонимности и нелегальной деятельности. Да, границы не являются преградой, они лишь очерчивают

фарватер. В эпоху глобализации они в первую очередь выполняют функцию регулирования торговых отношений и защиты наиболее уязвимых отраслей и слоев населения (Как сказал Режи Дебре: «Бедный предоставлен сам себе только на своем уделе»). Это главная причина, почему интернациональный капитал требует упразднения границ как главного препятствия своего процветания.

В этих условиях важным и неизменным остается лишь то, что **Фрейд** называл «нарциссизмом малых различий», что не является обязательным и проецируется на систему объектов (возможность «выбора» между брендами *Shell* и *Chevron*, между *Windows* или *Apple*, *Renault* или *Peugeot*, *Coke* или *Pepsi*). Эта иллюзия выбора из мнимого разнообразия основывается только на личной покупательной способности. Столь популярную сейчас идеологию «метисации», смешанных браков следует понимать как выходящую далеко за рамки сексуальных отношений или диалога культур. Для дальнейшей поддержки «неразличимости» как нормативного проекта и в качестве морального обоснования его сторонникам можно было бы воспользоваться терминами вроде «*mélangisme*» [7]. Хотя любого рода «метисация» (будь то культурное, этническое, художественное, языковое и прочее смешение) и «сохранение разнообразия» полностью противоречат друг другу, первое приветствуется как спасительная мера, которая несет в себе искупление за прошлые грехи через стирание отличий.

Повсеместная кочевая жизнь, глобализация всех проблем, мечты о «мировом правительстве», систематическое удаление корней, поощрение всех видов метисации – фантазии того, кто, наконец, решился на окончательное принудительное смешение – стали законом. «Глобальное смешение» – пишет **Пьер-Андре Тагиефф** – *напоминает асфальтоукладочный каток, который трамбует все культуры до гомогенной массы, а потом и вовсе отменяет культурное разнообразие*» [8]. Подмена сути и смешение всего со всем – это и есть последняя и окончательная цель, к которой сегодня ведет путь стирания различий.

Данный материал впервые был опубликован в журнале «Éléments» № 145 (Октябрь - Декабрь, 2012). Перевод с английского Антона Денисова.

Примечания

1. Мишель Маффесоли (фр. Michel Maffesoli) (1944 г.) – французский социолог, изучавший проблематику эпохи постмодерна.
2. Термин «миметическое желание» впервые был описан французским философом Рене Жираром в 1960-х годах, когда начал исследовать природу человеческих желаний. Идеей миметического желания является то, что человек ценит объекты не только с точки зрения их внутренних качеств, функций и внешнего вида, но и с точки зрения того, насколько они нужны другим людям. Миметическое желание заразно и быстро распространяется на других, например, когда целесообразность объекта увеличивается, когда всё больше людей заинтересованы в нем.
3. Алексис-Шарль-Анри Клерель де Токвиль (фр. Alexis-Charles-Henri Clérel de Tocqueville) (1805–1859 гг.) — французский политический деятель, лидер консервативной

Партии порядка, министр иностранных дел Франции (1849). Автор историко-политического трактата «Демократия в Америке».

4. Кристиан Лаваль (фр. Christian Laval) (1953 г.) – французский психолог, доктор социологии, профессор Университета Париж-Х-Нантер, специалист по философии утилитаризма.

5. Аномия (социальная аномия) – негативное отношение индивидов к нормам и ценностям существующей системы. Как правило, проявляется в утрате социальных норм и ценностей, преобладании отклоняющихся форм поведения, потере групповой солидарности и т.д.

6. Венсан Пейон (фр. Vincent Peillon) – (1960 г.), французский политик, значимая фигура в Социалистической партии Франции, возглавил Министерство национального образования Франции 16 мая 2012 г.

7. Mélangisme – особая форма групповых сексуальных отношений в более или менее многочисленных группах, отличная от свингерства. Главная особенность: вместо непосредственного полового акта предпочтение отдается использованию флирта и интенсивных ласок.

8. Пьер Андре Тагиефф (фр. Pierre-André Taguieff) – (1946 г.), французский нео-консервативный мыслитель, социолог и историк идей.